

ДОКУМЕНТЫ

Публикация А. С. Пученкова, О. В. Романько и С. В. Машкевича

А. И. Деникин. «Генерал Власов и “власовцы”»

Пученков Александр Сергеевич,
доктор исторических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Романько Олег Валентинович,
доктор исторических наук, профессор,
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
(Симферополь, Россия)

Машкевич Стефан Владимирович,
доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт теоретической физики им. Н. Н. Боголюбова
Национальной академии наук Украины (Нью-Йорк, США; Киев, Украина)

Обширное литературное наследие лидера южнорусского Белого движения генерал-лейтенанта Антона Ивановича Деникина (1872–1947) исследовано далеко не полностью. Объясняется это не только тем, что Деникин — автор многих и многих рукописей, а начало его «писательства» относится еще к периоду до начала Великой войны. Причина, скорее, кроется в том, что материалы, затрагивающие жизнь генерала, его служебную и литературно-публицистическую деятельность, разбросаны как минимум в двух основных архивохранилищах: Государственном архиве Российской Федерации (далее — ГАРФ), а также в труднодоступном для российских исследователей Бахметьевском архиве Колумбийского университета. В личном фонде Деникина в ГАРФ (Ф. Р-5827) отложились материалы, позволяющие, в частности, получить детальное представление о деятельности Деникина как Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России; переписка Деникина с соратниками при сборе генералом материалов для написания его фундаментальных «Очерков русской смуты» и т. д.

Коллекция Ксении Васильевны и Антона Ивановича Деникиных в Бахметьевском архиве складывалась в два этапа: сначала вдова генерала К. В. Деникина (1892–1973) передала группу документов в дар, а затем в 1967 г. Колумбийский университет приобрел остаток собрания. Сейчас коллекция Деникиных насчитывает более 20 тыс. единиц хранения и состоит из документов и фотографий периода Гражданской войны и эмиграции, рукописей генерала, его переписки. Среди корреспондентов Деникина — такие крупные фигуры русского зарубежья, как Б. А. Бахметьев, П. Н. Милюков, И. С. Шмелев. В архиве хранится и личная библиотека Деникина¹.

Пожалуй, одной из наименее изученных страниц биографии генерала является последний период жизни Деникина, связанный с трагическими событиями Второй мировой войны, перевернувший не только всю жизнь Советской России, но и многострадальную судьбу русского беженства, зачастую обреченного на начало очередного этапа своих скитаний. Генерал Деникин и его семейство не были исключением. Перешагнувший порог восьмого десятка лет генерал сначала вынужден был жить под страхом ареста германскими оккупационными войсками, весьма интересовавшимися как самим Антоном Ивановичем, так и его образом мыслей², а затем уехать в США, опасаясь уже ареста или похищения советскими спецслужбами.

Особое отношение у Деникина было к власовскому движению. Здесь ярче всего прослеживаются грани Деникина-политика: патриот России, не признающий какой-либо возможности сотрудничества с нацистским режимом, несущим русскому народу порабощение, и убежденный антикоммунист, ненавидящий и презирующий советскую власть как глубоко, по его мнению, антинациональное явление.

В коллекции Деникиных внимание публикаторов привлекла рукопись, получившая название «Генерал Власов и «власовцы»». Несомненно, что это — одно из последних сочинений А. И. Деникина. В России оно никогда прежде не издавалось. Ознакомившись с данной работой, читатель, даже никогда прежде не слышавший об имени автора, получит достаточно четкое представление о его мировоззрении, отношении к «Войне и миру», коммунизму и национал-социализму, а также сможет составить свое мнение о такой крупной личности истории России XX в., как Главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России, патриот, государственный и писатель генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин. В работе Деникина можно встретить и фактические ошибки, и неточное изложение отдельных сюжетов из биографии самого генерала А. А. Власова³ и из истории власовского движения. Вместе с тем публикаторы полагают, что все это, с учетом масштаба личности Деникина, не играет столь существенной роли. Поразительно, однако, то, что генерал Деникин, обладая достаточно скудными, а зачастую и просто неточными сведениями по поводу рассматриваемой им проблемы, интуитивно приходит к верному выводу: история власовского движения — часть трагической истории России первой половины XX в. «Обреченность — вот что было их существование все годы войны и чужбины, и никакого выхода никуда», — справедливо писал в своей книге «Архипелаг Гулаг» А. И. Солженицын⁴. Нельзя не согласиться и с мнением знаменитого писателя о том, что в конкретных условиях противостояния Гитлера и Сталина шансов на успех власовское движение не имело: «Оно обречено было гибели как еще одна дополнительная жертва на неостывший жертвенник 1917 года...»⁵. Вместе с тем справедливую, на наш взгляд, оценку власовскому движению дал в названии своей статьи один из крупнейших исследователей Гражданской войны и русского зарубежья безвременно ушедший В. Г. Бортневский — «Против своего Отечества»⁶. Думается, что в комментариях этот заголовок не нуждается; полагаем, что утверждение не противоречит и исторической правде.

Нелишне еще раз подчеркнуть самоочевидную вещь: сотрудничество с нацизмом в любой форме — преступление; а сотрудничеству с нацистами, напавшими на твою страну и совершившими на ее территории немыслимое количество

бесчеловечных преступлений против мирного населения, вообще нельзя подобрать какое-либо определение. Вряд ли можно согласиться с петербургским историком К. М. Александровым, писавшим о власовском движении как о форме «социального протеста», обусловленного «инерцией гражданской войны» и «особенностями сталинского режима»⁷; корректнее его же тезис о том, что значительная часть «власовцев руководствовалась приспособленчеством»⁸, а желание выжить в плену, в отличие от каких-либо политических мотивов, было, как нам кажется, в большинстве случаев первопричиной государственной измены, каковой несомненно является вооруженное сотрудничество с противником в условиях продолжающейся войны. Трудно также присоединиться к мнению историка Ю. С. Цурганова, по утверждению которого «то, что удалось сделать Власову и его ближайшим соратникам в деле превращения РОА из мифа в реальность, — сделано не благодаря, а вопреки Гитлеру и нацистам»⁹. Полагаем, что, даже несмотря на крайне отрицательное отношение Гитлера лично к Власову и его сторонникам, антисталинское движение, военные формы организации которого оформлялись на территории рейха, просто не могло превратиться в реальность без серьезнейшей поддержки кого-либо из ближайших сотрудников нацистского диктатора, в частности Гимmlера, вождя такой зловещей организации, как СС. В этой связи по меньшей мере наивным и явно тенденциозным выглядит утверждение крупнейшего западного исследователя проблемы И. Гофмана, по словам которого «то, что Власов не имел отношения к гитлеризму, однозначно вытекает из Пражского манифеста... Тому, кто ошибочно пытается обнаружить в союзе Власова с гитлеровской Германией компрометацию Русского освободительного движения как такового, следует напомнить, что в таком случае и западные державы в несравненно более сильной мере морально скомпрометировали и осрамили себя своим союзом со сталинским СССР»¹⁰.

Думается, что крайне отрицательно относившийся к сталинскому режиму вообще и к Сталину в частности биограф кремлевского диктатора генерал Д. А. Волкогонов все же сумел дать власовщине достаточно объективную и комплексную оценку. По словам генерала, «власовщина как политическое явление явилась результатом ряда причин — крупные неудачи на фронтах, отрывки национализма и социальной неудовлетворенности некоторых представителей (и их детей) привилегированных классов, страх перед возмездием, после того как некоторые не по своей воле оказались в плену... Думаю, попытки представить это движение как “альтернативу большевизму” представляются мало убедительными... В истории трудно найти пример более катастрофического начала войны, чем войны Великой Отечественной. Все крупнейшие военные и политические авторитеты считали, что Россия продержится максимум три месяца. Советский народ опроверг эти прогнозы. Правда, потом сам факт невероятного упорства и стойкости стали приписывать лишь “мудрому руководству” Сталина, хотя он как раз более всего виновен в таком катастрофическом начале, подтолкнувшем многих встать на путь Власова. Прежде всего — в надежде выжить»¹¹. Иначе говоря, сталинщина, по мнению Волкогонова, порождала власовщину. В этой связи изучение власовщины как глубоко, на наш взгляд, антигосударственного явления в высшей степени актуально, при этом исследование власовского движения не должно быть односторонним и ограничиваться «ярлыковыми» оценками, пускай даже зачастую и справедливыми.

Интерес представляет чрезвычайно сложное и противоречивое отношение эмиграции к власовскому движению. Не секрет, что многие из эмигрантов после мучительных колебаний примкнули к власовцам, но были и другие, стоявшие на твердых патриотических позициях. К слову, самым известным из таких представителей эмиграции как раз и был генерал Деникин. Не нуждающийся в представлениях В. В. Шульгин писал: «Часть эмигрантов, по-видимому, примкнула к Гитлеру. Зная общие взгляды и убеждения эмиграции, мне не верится, что примкнувшие к Гитлеру разделяли идеи фюрера и оправдывали его дела. И потому мне неясно, как это все случилось, т. е. что они решились служить расистам, если это было на самом деле. Так как я сам не герой, то я не осуждаю их, но о том, что произошло, глубоко скорблю. Я стараюсь объяснить все это самому себе тем, что в лице Гитлера они увидели сильного противника Советской власти — и только. Они закрыли глаза на то, что видели некоторые...

Мы, эмигранты, думали примерно так:

— Пусть только будет война! Пусть только дадут русскому народу в руки оружие. Он обернет его против “ненавистной” ему Советской власти. И он свергнет ее!

Но случилось обратное. Получив в руки оружие, русский народ не свергнул Советскую власть. Он собрался вокруг нее и героически умирал в жестоких боях. Наивно думать, что советские бойцы дрались с таким мужеством из страха перед Советской властью. Кто мешал этим людям сдаваться в плен? Были и такие, как известно. Я слышал, что некоторые мои друзья бывали в среде так называемых “власовцев”. Этих “власовцев” было ничтожное число, если сравнить их с громадой армии и народа. За что же дрался этот народ, истекая кровью? Для меня это ясно — за Родину! Из этого стало очевидно, что своей родиной эти люди считают Советский Союз, а Советскую власть считают своей властью. Этот факт разрушил главный устой эмигрантской идеологии. Нам могут приписывать все, что угодно, наши враги. Но мы-то сами знаем правду. Лучшая часть русской эмиграции болела за русский народ. Ее мечта была свергнуть Советскую власть. В лице Гитлера эмиграция увидела “освободителя”. Я держал в руках открытку с портретом фюрера, под которым была надпись по-русски “освободитель”. Многие этим соблазнились и заблудились. У меня глаза открылись. Кого мы хотели освободить? Тот народ, что умирает за своих “угнетателей”? Я сказал себе:

— Война всегда почиталась великим экзаменом, неким проверочным испытанием народов. Более современным было бы выражение “плебисцит”. Вторая мировая война была неким голосованием в отношении Советской власти. Поставлен был вопрос: “Желаете ли вы свержения Советской власти”? Умирая на полях битв, советские люди отвечали:

— Не желаем.

Значит, мы ошиблись. Этот народ не желает “освобождения” из наших рук. Когда я это понял, наши усилия по свержению Советской власти показались мне и трагическими и смешными¹².

В свою очередь, влиятельнейший русский либерал, эмигрант В. А. Маклаков заметил, что «слово “власовец” и не порицание, и не аттестация. Оно — как бывшая профессия...»¹³.

Фигура самого Власова также еще нуждается в серьезном осмыслении. Известно, что в начале войны будущий «генерал-коллаборационист», как называет его крупный исследователь проблемы Б. Н. Ковалев¹⁴, совершенно определенно находился под знаком особого расположения Сталина, был у вождя в своеобразном фаворе, о чем свидетельствуют В. М. Молотов и Н. С. Хрущев¹⁵. В воспоминаниях советских военачальников встретить объективную информацию о Власове было крайне трудно — преобладали ярлыки, вероятнее всего, совпадавшие и с личным мнением мемуаристов об их бывшем сослуживце. «Изменник Родины», «отщепенец», — подобная оценка, данная маршалом И. С. Коневым, была более чем стереотипна¹⁶. «Этот авантюрист, начисто лишенный совести и чести, и не думал об улучшении дела на фронте»; «подонок», «грязный изменник», «беспринципный карьерист», — аттестация непосредственного начальника А. А. Власова, также маршала Советского Союза К. А. Мерецкова¹⁷. В чем-то каноническая на многие десятилетия оценка личности Власова принадлежит выдающемуся советскому военачальнику А. М. Василевскому, по словам которого «Власов оказался подлым предателем Родины; добровольно перешел на сторону врага и, стремясь побыстрее и получше устроиться на службе у гитлеровцев, которых уже считал победителями, заявил о своей готовности начать борьбу против Страны Советов»¹⁸. В воспоминаниях можно встретить и противопоставление генерала Власова и командующего войсками Западного особого военного округа Героя Советского Союза генерала армии Д. Г. Павлова, расстрелянного летом 1941 г. Так, чрезвычайно осведомленный мемуарист генерал П. А. Судоплатов писал: «Павлов, будучи командующим фронтом, оказался не на высоте, потерпел полное поражение. Но ему и в голову не пришло сдаться в плен противнику, как это сделал Власов. Вот две трагические судьбы. Павлов, который до конца был предан Советской власти и оставался патриотом Родины. Для него было немыслимым в результате военного поражения изменить Родине, и Власов, разгромленный противником, из-за трусости сдался в плен, став на путь измены и предательства»¹⁹. В свою очередь, в воспоминаниях ветеранов 2-й Ударной армии, командармом которой был Власов, указывалось на якобы имевшую место его склонность к «кабинетному стилю работы», «беспринципность, барски-пренебрежительное отношение к нуждам войск, ведущих непомерно трудную борьбу с врагом»²⁰. В воспоминаниях писателя-фронтовика И. Ф. Стаднюка со ссылкой на Институт военной истории содержалось заведомо неверное утверждение о том, что в дни Московской битвы Власов «по-черному записал», а главное, что еще до пленения немцами он был их агентом²¹.

Единственную и, на наш взгляд, чрезвычайно глубокую характеристику Власова, в которой можно найти и указания на положительные качества генерала, дал в своих воспоминаниях знаменитый писатель И. Г. Эренбург, встречавшийся с Власовым весной 1942 г. «Он меня изумил, — вспоминал Эренбург, — прежде всего ростом — метр девяносто, потом манерой разговаривать с бойцами — говорил он образно, порой нарочито грубо, и вместе с тем сердечно. У меня было двойное чувство: я любовался и меня в то же время коробило — было что-то актерское в оборотах речи, интонациях, жестах. Вечером, когда Власов начал длинную беседу со мной, я понял истоки его поведения: часа два он говорил о Суворове, и в моей записной книжке среди другого я отметил: “Говорит о Суворове, как

о человеке, с которым прожил годы”. На следующий день солдаты говорили со мною о генерале, хвалили его: “простой”, “храбрый”, “ранили старшину, он его закутал в свою бурку”, “ругаться мастер”... Конечно, чужая душа потемки; все же я осмелюсь изложить мои догадки. Власов не Брут и не князь Курбский, все было гораздо проще. Власов хотел выполнить порученное ему задание; он знал, что его снова поздравит Сталин, он получит еще один орден, возвысится, поразит всех своим искусством перебивать цитаты из Маркса суворовскими прибаутками. Вышло иначе: немцы были сильнее, армия снова попала в окружение. Власов, желая спастись, переоделся. Увидев немцев, он испугался: простого солдата могли прикончить на месте. Оказавшись в плену, он начал думать, что ему делать. Он знал хорошо политграмоту, восхищался Сталиным, но убеждений у него не было — было честолюбие. Он понимал, что его военная карьера кончена. Если победит Советский Союз, его в лучшем случае разжалуют. Значит, остается одно: принять предложение немцев и сделать все, чтобы победила Германия. Тогда он будет главнокомандующим или военным министром обкорнанной России под покровительством победившего Гитлера. Разумеется, Власов никогда никому так не говорил, он заявлял по радио, что давно возненавидел советский строй, что он жаждет “освободить Россию от большевиков”, но ведь он сам привел мне пословицу: “У всякого Федорки свои отговорки”»²².

Безусловным представляется тот факт, что Власов пережил глубочайшее эмоциональное потрясение в момент пленения, возлагая всю вину за трагедию своей армии на Ставку, лично на Сталина, а также на К. А. Мерецкова. Возможно, что момент личной обиды на высшее советское и партийное руководство оказал определяющее воздействие при принятии решения о согласии советского генерала сотрудничать с нацистами. Видел ли Власов в тот момент для себя какие-то личные перспективы, иначе говоря, рассчитывал ли генерал на возможность какой-либо политической карьеры в случае победы Гитлера над Красной армией — трудно сказать. Очевидно, однако, то, что Власов испытывал как глубочайшее разочарование в советской системе в целом, так и совершенно определенное безверие в возможность при существующей системе управления армией одержать победу над Германией. В значительной степени это предопределило согласие Власова на использование своего имени в виртуальном — почти до самого окончания войны — «Русском освободительном движении».

Необходимо также обратить внимание и на неуклюжую антивласовскую послевоенную пропагандистскую кампанию. Власов, конечно, не был немецким шпионом, оставаясь, на наш взгляд, вплоть до момента своего пленения лояльным по отношению к советской власти представителем высшего советского состава. Невозможно также подвести Власова под ярлык «антисоветчика» — блестящая вплоть до момента пленения военная карьера генерала вряд ли была бы возможна в рамках старой, досоветской, сословной России; несомненно, Власов не мог этого не понимать, воспринимая себя во внутренней связи как с Февралем, так и с Октябрем. Не был Власов и абсолютно деградировавшим в моральном отношении человеком (фактическое двоеженство, не говоря уже о практике адюльтера, отнюдь не было диковинкой среди высшего командного состава Красной армии). Наспех сработанная агитка — роман «В час дня, Ваше превосходительство!», — автором

которой был отец автора дамских романов Дарьи Донцовой Аркадий Васильев, не выдерживает никакой критики благодаря наличию в ней огромного количества фактических неточностей и откровенной клюквы. Нельзя представить Власова и фаворитом немцев: Гитлер, в силу всей системы своих взглядов, не был в состоянии представить вооруженных русских, сражающихся против Сталина. Все это, конечно, не снимает с Власова навеки заслуженного им ярлыка предателя и изменника Родины. Представляется, что при прочих органических пороках власовского движения существовал и еще один самоочевидный порок: лидером антисталинского движения был человек, своей карьере всецело обязанный именно сталинской системе, в «идейное» перерождение и «перековку» которого в ярого антисталиниста можно было поверить в еще меньшей степени, чем в «идейность» других «вождей» власовского движения.

Вместе с тем нельзя не задуматься и над следующим: славная история генералитета Русской императорской армии (князь Курбский не в счет) прежде не знала подобного примера сотрудничества с врагом. Как следствие, тезис Деникина о том, что советская власть своей «окаянной практикой» извратила «самые ясные основы национального самосознания», не может не дать пищу для размышлений. Более академично, но по сути аналогичным образом высказался историк В. Г. Бортневский, писавший о «деформации общественного сознания при сталинизме»²³.

Текст Деникина — машинопись с отдельными рукописными вставками, печатается полностью без изменений. Датируется рукопись временем не ранее 1946 г., когда до Деникина дошли сведения о казни в Москве генерала Власова и представителей верхушки командного состава Вооруженных сил Комитета освобождения народов России²⁴. Все исправления и редакции автора текста особо оговариваются публикаторами. Полностью сохранены первоначальные орфография и пунктуация. Название рукописи было дано самим А. И. Деникиным.

Генерал Власов и «власовцы»

В последнюю войну на Востоке наблюдалось явление, до сих пор в истории войн небывалое. Германское командование для пополнения своих рядов обратилось к формированию частей из захваченных пленных, а также из населения захваченных областей России. Столь рискованный опыт оказался возможным в результате отрыва населения от власти, извратившей своей окаянной практикой самые ясные основы национального самосознания. Сведения о первых формированиях подобного рода появлялись в печати редко. Известно, что первые, очень небольшие отряды таких «добровольцев» появились на петроградском фронте, другие дрались против партизан на Украине, в Белоруссии, в Крыму, а батальон, составленный из туркестанцев (!), разделил участь 6-й германской армии в Царицыне²⁵.

Верные своей политике расчленения России во всех решительно областях,

немцы и тут создавали части совершенно обособленные, вне всякой организационной связи, из российских племен и народностей: «русские, белорусы, украинцы, грузины, армяне, азербейджанцы, казаки (!), туркестанцы (!), татары, бессарабцы (!)». Замечательно, что так именно классифицировала казаков, как особую народность, наша рептилия «Парижский вестник»: «Мы — русские националисты, — писал Zeiter Жеребков, — приветствуем националистов Азербайджана, Грузии, татар, казаков, украинцев и т. д.». Увы! Все эти белорусские, кавказские, бессарабские прочие *Zeitstellen* отказались пожать протянутую им Жеребковым руку. А «Kozakenzeitstelle» даже ответило недвусмысленно: Дружба — дружбой, а табачок врозь.

«Добровольцы» одеты были в немецкую форму, с нарукавными знаками сообразно «национальности». Для моральной обработки их созданы были периодические издания на разных языках, разных направлений, но одинаково штампованной немецкой мысли. В Берлине, в одном большом здании, помещался чуть ли не десяток таких редакций, причем из одного этажа этого новомодного ноева ковчега раздавались призывы к братскому единению; из другого неслись вопли о «вековом притеснении» Россией, из третьего — воззвания к русскому патриотизму...

Противобольшевицкая пропаганда имела глубокие основания и могла бы иметь успех. Но, неся клеймо «Made in Germany», она становилась сплошным лицемерием. Идея «Русского комитета» оказалась поэтому мертворожденной и никакого влияния на события не оказала. Да и сами немцы не придавали ей *политического* значения. Используя лишь, как это будет дальше видно, в качестве идеологического прикрытия для набора русского пушечного мяса.

В конце 1942 г. во Франции появились сведения о формировании РОА — «Русской Освободительной армии» и о возникновении «Русского комитета», представлявшего собою «Русское Освободительное Движение» (РОД). Во главе комитета стал, попавший в плен, командующий одной из советских армий, генерал Власов. Ему же газетные заметки приписывали возглавление РОА²⁶.

*

Кто такой ген. Власов?

В феврале 1942 г. три советские армии, в том числе 2-я ударная, перешли по льду реку Волхов и врезались глубоко в расположение германских войск, с целью деблокады Петрограда. В течение нескольких месяцев немцам пришлось вести тяжелую борьбу против этих советских частей, но к концу весны удалось разбить их, захватив много пленных. Еще несколько недель германским войскам пришлось потерять, вылавливая рассеявшихся и скрывшихся в лесах красноармейцев. В одной глухой деревне прятался и командующий 2-й ударной армией генерал Андрей Власов, пока не был обнаружен и опознан немцами. Это был единственный советский генерал такого высокого ранга, взятый ими в плен²⁷.

Более полугода немцы держали ген. Власова в концентрационном лагере, за колючей проволокой. Высокий чин пленника, его «пролетарская» биография, (Власов был сыном крестьянина и военную карьеру начал простым красноармейцем в гражданскую войну, 1918 года), его 12-летний стаж члена партии, дававший

внешнюю гарантию против обвинения большевиками в «фашизме» — все это побудило немцев попытаться использовать ген. Власова, как они использовали всяких «кислингов» [Правильно — Квислинг. — *Публ.*]. После долгих уговоров (каких? Узнаем ли мы когда-нибудь!), ген. Власов, доверившись обещаниям немцев, согласился сотрудничать с ними, был освобожден из лагеря, и в конце 1942 г. обратился с призывом «Ко всем русским людям»... «прекратить кровопролитную войну за чужие интересы, свергнуть власть большевиков при помощи германского народа и приступить к созданию новой России»²⁸.

Вскоре получило распространение обращение ген. Власова и «Русского комитета» к «бойцам и командирам Красной армии, ко всему русскому народу и всем народам Советского Союза»²⁹. А в конце июля 1943 г. в Париже, на большом собрании начальника штаба ген. Власова и секретаря Комитета — ген. Малышкина обстановка во многом, но далеко не во всем, разъяснилась. Прежде всего стало ясно, что никакого РОА, никакой Русской Освободительной армии, не существует [подчеркнуто А. И. Деникиным. — *Публ.*]. Сам ген. Малышкин, с удивительной откровенностью, заявил, что «армии, как таковой, т. е. с русским командованием, с русским военным центром и т. д. — нет». Что «к сожалению, этот вопрос задерживается — не для пользы ни для нашей национальной цели, ни для германских целей»...

Действительно, как нам уже известно было, российские формирования сводились в отряды не свыше батальона, изредка полка, и включались в состав немецких частей. В административном отношении ими ведал в каждой армии особый немецкий генерал, и общим «командиром добровольческих войск» состоял ген. Кестрин [Правильно — Кёстринг. — *Публ.*]. Эти лица ведали формированием и распределением «добровольческих» войск, а в служебном же и боевом отношении они всецело подчинялись командирам германских частей. В начале 1944 г. еще уцелевшие русские командиры батальонов и рот были заменены немецкими офицерами³⁰.

Таким образом, ген. Власов ничем не командовал и его штаб не имел никакой власти над русскими формированиями. К тому же эти формирования включали в себя только элемент великорусский и то значительная часть его попадала в казачьи отряды. В одном известном мне батальоне, который считался донским казачьим, были «казаки» из Архангельска, Пскова, Мурома, Томска и т. д.

Приказом ген. Кёстрина, было учреждено «Главное управление казачьих войск»³¹ и председателем его был назначен ген. Краснов, которому удалось сделать то, что не удалось Власову: немцы сформировали казачью дивизию³².

В ведении ген. Власова находились курсы пропагандистов, офицерские и унтер-офицерские школы, под немецким контролем, конечно, и выпуск нескольких посредственных листовок и газеток противобольшевицкого³³ и про-немецкого направления³⁴.

Сам ген. Малышкин признавал, что такое положение привело чинов их в «скептическое настроение» и что у них «появились сомнения»... Действительно, среди русских частей пошли слухи, что ген. Власов не то арестован, не то даже убит, и его газетам пришлось опровергать это причем в форме довольно неуверительной: ген. Власов, мол, жив и здоров, но где находится и что делает — сказать нельзя, во

избежание покушений со стороны советов. Сомнительно, чтобы во времена полной силы национал-социализма и Гестапо опасность большевицкого покушения была столь велика, но вовсе не сомнительно, что немецкое командование опасалось русских формирований³⁵. И создавая, так сказать, правой рукой эти части, оно левой рукой создавало всяческие гарантии против них, одной из которых было недопущение активности и популярности ген. Власова.

И если его авторитет признавался его ближайшим окружением, то и несколько позже [выделенное курсивом зачеркнуто автором. — Публ.], для разбросанных по всей Европе русских батальонов, он был более или менее фикцией.

*

Находясь в оккупированной немцами Франции и следя за событиями по французским и германским газетам, а также по радио на нескольких языках, мы не наблюдали никаких признаков широкого развития «Русского Освоб. Движения». Но листовки его утверждали, что их идеи получили «всеобщее распространение», что на этих идеях «объединяются миллионы людей, как по ту, так и по эту сторону фронта» и что: «РОД и РОА становятся грозной силой, перед которой трепещут Советы».

«До сих пор объединению народа вокруг большевиков (!) способствовал тот факт, что ни один из их противников не выдвинул прогрессивных новых идей» — писал официоз «Движения». И далее с большой смелостью и малой осведомленностью утверждал: «Белое движение было безыдейным и несло с собой реставрацию ненавистных народу форм правления, восстановление власти помещика и капиталиста». Сила же *их* [подчеркнуто А. И. Деникиным. — Публ.] движения «Заключается в народности его идей».

Какое же новое слово вещало РОД?

В упомянутом выше его воззвании «в основу создания Новой России» ставилось:

- 1) Ликвидация принудительного труда.
- 2) Ликвидация колхозов.
- 3) Передача земли трудовому крестьянству в собственность.
- 4) Восстановление торговли, ремесленных и других предприятий на основе частной инициативы.
- 5) Интеллигенции — свободный труд творений.
- 6) Обеспечение социальной справедливости.
- 7) Право трудящихся на образование.
- 8) Обеспечение старости.
- 9) Уничтожение террора.
- 10) Освобождение узников — врагов большевизма.
- 11) Восстановление сел, городов, заводов и фабрик.
- 12) Отказ от платежа по займам и договорам правительства Сталина.
- 13) Обеспечение пенсии инвалида войны³⁶.

Нам понятно, что люди, которые в течение более чем двух десятков лет находились под гипнозом большевицкого трактования истории Гражданской войны

и эмигрантских течений, не могли иметь правильного о них понятия. Но выйдя за советские границы, они, казалось, могли расширить свой кругозор и тогда не получилось бы столь искаженной оценки Белого движения и стало бы им ясно, что «установки» РОД вовсе не новы, что повторялись в десятках эмигрантских деклараций, и даже более широко и радикально. Не ново было и еще одно заявление — предоставление всем народностям России права самоопределения, вплоть до отделения. Формула эта в отношении «союзных республик» имеется в советской конституции 1936 года, в качестве декоративного ее украшения. Судя по заявлениям ген. Малышкина, РОД применил ее «в целях собирания всех антибольшевицких сил под знаменем Русского Освободительного Движения».

Никакого, однако, «собирания» не вышло. Прежде всего потому, что не позволила немецкая власть, ограничившая словесную деятельность «Движения» одним только кругом умозрительных понятий — связанных с Великороссией.

«Русский комитет» говорил от имени всей России... А в то же время официальная терминология немцев по отношению к завоеванным территориям упразднила самое понятие «Россия» или «СССР», заменив их терминами — «Области Востока», «народы Востока», даже «рабочие с Востока». При этом для этих народов не только вводилась отдельная администрация в пределах России, но и для русских эмигрантов, живших в других странах немецкой оккупации, заведены были отдельные управления (Лейтштелле), ничего общего с «Русским Комитетом» не имевшие: «русское», «белорусское», «украинское», «кавказское», «туркестанское» и т. д. В том числе и «казачье», так же как из природных русских людей — казаков немцы сделали самостоятельную нацию [подчеркнуто А. И. Деникиным. — Публ.] и не одну, а несколько...³⁷

Возглавители власовского движения не могли не понимать истинных целей Германии, но, по-видимому, избирая такой безрассудный путь для свержения большевизма, питали иллюзорную надежду обмануть немцев.

И вполне основательно предположить, что облыжное заявление о Белом движении, и неприкрытое разбазаривание России — было «навечно» возглавителям РОД их германским начальством.

*

Война затягивалась, но в октябре 1943 года мы неожиданно услышали совершенно новое заявление РОД (официоз движения «Доброволец» № 46, передовая):

«Никто не в праве предрешать волю народа, кроме него самого. Никто из нас не возьмет на себя смелость выступить от имени народа с какой-то будущей программой, пока сам народ находится еще в тисках большевизма. Такое выступление было бы еще беспочвенным и безответственным... Требования конкретной политической программы в основном [имеют] два источника: они идут либо от прямых провокаторов... чтобы посеять рознь между немцами и русскими, либо от безнадёжных болтунов, собирающихся делить шкуру неубитого медведя и не видящих, что прежде, чем говорить о том, что будет через 10 лет, надо подумать, что надо делать сегодня».

Объяснение такому внезапному и полному «непредрешенству»³⁸ находим в той же статье:

«Россия — в опасности! Важнее всяких политических программ для нас сейчас — реальная направляющая сила. Сила — освобождающая поработанных и ведущая в бой уже свободных».

Этой немецкой силе и вольно или невольно посвящало свой пафос «Русское Освободительное Движение». В речах и декларациях повторялись известные перепевы:

«Идея равноправного, обоюднoвыгодного сотрудничества двух великих народов растет и крепнет... Я зову русский народ на путь сотрудничества и вечной дружбы с великим германским народом». (Власов). «Германия ведет войну не против русского народа и его родины, а лишь против большевизма. Она не посягает на жизненное пространство русского народа и его национально-политическую свободу». («Комитет»). «Мы связали себя с Германией неразрывными узами боевой дружбы. Немецкий народ возглавляет нашу общую борьбу». («Доброволец»). «Мы не можем преуменьшать первенство и большую жертвенность, которую несет германский народ в борьбе с большевизмом и то величайшее значение, которое имеет в этой борьбе роль и фигура вождя народа, Адольфа Гитлера... Победа Германии — наша победа» (ген. Малышкин). Но, исповедуя такое *безоглядное* [выделенное курсивом зачеркнуто А. И. Деникиным. — Публ.] сотрудничество с Германией, руководители РОД и вдохновители РОА все же выгодно отличались от пораженческого сектора русской эмиграции в одном отношении: у них не было презрения к своему народу и своей армии; после 25 лет советской тюрьмы они тем не менее оказались чужды той рабской психологии, которую взрастило в себе пораженчество на воле; они решили «идти хоть с чертом», но не «какой угодно ценой». Мы слышали их заявления: «Никогда Россия рабской страной не была — она никогда не была колонией и не будет... Россию завоевать невозможно... Россия может быть побеждена только Россией». (Малышкин). «После совместной победы, задачи построения Новой России, мы будем разрешать уже только своими силами так, как захочет этого великий народ русский». (Давиденко). «Мы ни одного клочка своей земли не продали». (Власов).

Представляется совершенно необъяснимым — откуда черпали веру эти люди в крестоносность и незаинтересованность германского нашествия, вопреки самым вопиющим фактам и заявлениям самих немцев, вопреки их отношению к стране и народу нашему, вопреки собственному опыту и в германских концентрационных лагерях, и в «Добровольчестве», направляемом Геббельсом и опекаемом Гестапо?

В это же время миллионы русских людей испытывали на своей спине в оккупированных областях России и в лагерях военнопленных зверское отношение немцев, читали или слышали, как откровенно высказывали немцы свое презрение к русскому народу, свои намерения о разделе или колонизации России. Эта двойственность эмоций руководителей РОД вызывала и вызывает сомнения: являлось ли такое слепое сотрудничество с германской силой результатом искреннего убеждения или заблуждения, или же оно служило лишь прикрытием... И мимикрия эта имела целью создание русской вооруженной силы... для других надобностей?

Может быть, история откроет нам это со временем, но так или иначе ген. Власов, «Русский комитет» и «Русское Освободительное движение» независимо,

вернее, даже против их воли и намерений, стали немецким орудием пропаганды и идеологическим прикрытием для вербовки русского пушечного мяса.

Тут небезынтересно вспомнить, как большевики использовали немецкого фельдмаршала фон³⁹ Паулюса, взятого в плен под Сталинградом. Они поставили его во главе Немецкого комитета и номинально назначили командующим армией, формируемой из немецких военнопленных⁴⁰. Паулюс должен был свергнуть Гитлера, а Власов — Сталина. Весьма показательно, какую «программу» проводил Немецкий комитет («Комитет Свободной Германии») в своих воззваниях и в издававшейся им в Москве газете «Freies Deutschland»: он призывал своих соотечественников к внутреннему перевороту, установлению коалиционного правительства «от коммунистов до правых» и к сепаратному миру с СССР. При этом германской армии предписывалось сохранить порядок «во избежание анархии»... Совершенно ясно, что если бы этот план Москвы осуществился, то Красная армия оккупировала бы всю Германию, поставив союзников перед совершившимся фактом, и обратив ее в такую же «самостоятельную» республику, какими стали Польша, Сербия, Венгрия...⁴¹

*

Немногие российские отряды, входившие в состав германской армии, начинали свою службу на германо-советском фронте, большинство располагалось в тылу для борьбы против партизан.

Партизанщина к тому времени охватывала огромные пространства немецкого тыла, особенно в Белоруссии и на Украине, представляла из себя явление многоликое, не укладывавшееся в рамки двух противоположных оценок: огульно уничижительной, данной зарубежной пропагандной литературой и — славословием советского радио.

В состав партизанских отрядов входили: 1) партийные работники и служащие НКВД — как местные, спрятавшиеся от немцев, так и специально посылаемые красным штабом; 2) регулярные части (примечание А. И. Деникина: Из Москвы были переброшены две «бригады», сформированные из уголовных преступников)⁴², перебрасываемые в немецкий тыл через далеко не сплошную линию фронта; 3) спрятавшиеся от германского плена красноармейцы и бежавшие из лагерей пленные; 4) партизаны из местного населения, побуждаемые к тому самыми разнообразными мотивами — бездомностью, безвыходностью и голодом, враждою к немцам, исконной русской бесшабашной удалью, страхом перед своей властью и желанием выслужиться и, наконец, без сомнения — патриотизмом.

В этом пестром калейдоскопе великого российского безвременья поистине перемешано было все: воры и праведники, палачи и обыватели, герои и предатели, а больше всего — несчастные, сбитые со всякого толку русские люди.

Возникло множество партизанских отрядов самотеком, но Москва, опасаясь стихийного народного партизанства, употребляла все усилия, чтобы взять в свои руки и использовать движение, как «организованный метод войны». Специально учрежденные штабы (Украинский и Белорусский) руководили действиями отрядов путем воздушным и по радио, давая задания, посылая инструкторов и начальников, парашютистов, оружие и боевое снаряжение.

Таким путем советское командование создало за вражьем фронтом значительную силу (в одной Белоруссии насчитывалось до 300 тыс. партизан)⁴³, иногда отряды в несколько тысяч человек, с пулеметами и даже артиллерией и новейшей техникой. Эти отряды разрушали пути сообщения, жгли или забирали немецкие склады, крушили поезда, нападали на мелкие гарнизоны. Словом, дезорганизовали германские тылы, создавали беспокойное настроение, и отвлекали против себя для борьбы большие силы.

Партизанщина питалась, конечно, местными средствами. Но реквизиции, вынужденные необходимостью, обращались слишком часто в грабежи. Отсутствие контроля, безнаказанность, ощущение смерти, висевшей постоянно над головами — создавали легкое отношение и к своей, и к чужой жизни. Царил закон джунглей. Отбирая часто последнюю живность у крестьян, партизаны иногда наделяли их своими излишками, отбитыми у немцев. В общем, это было не только грозой для германской армии, но и бедствием для русского населения.

Отношение русских отрядов, очутившихся на немецкой службе, к партизанам было весьма своеобразным. Не раз в промежутках между боями, когда они добросовестно уничтожали друг друга, в деревнях «нейтральной зоны» происходили мирные встречи. За ведром самогона противники обменивались «информацией», производили обмен немецкого табака на русский спирт и под сильным «градусом» спорили до хрипоты на тему — какая сторона права, кто герои и кто предатели.

Результатом этих дискуссий были переходы из одного лагеря в другой; реже — партизан, чаще — их противников... Переходили последние одиночным порядком и по несколько десятков человек; в одном случае, мне известном, подготавливался переход целого батальона, но один из «добровольцев» выдал и дело сорвалось. Около ста человек успело все же перебежать до подхода вызванной немецкой части. Зачинщики, в том числе батальонный врач, были казнены, но очевидно во избежание огласки и примера, немцы не слишком углубляли расследование.

Переходящие «добровольцы» не знали, что они попадут из огня да в полымя. Разбрасывавшиеся от имени партизан листовки, призывая к возвращению, говорили им о полном прощении. Фактически лишь очень немногих оставляли служить в отрядах, большинство же при первой возможности переправляли на советскую территорию, где их или расстреливали тут же, или же отправляли в обреченные каторжные «штрафные батальоны». Инструкция начальника украинского партизанского штаба гласила: «Кого надо — расстрелять, а остальные пускай повоюют с нами, а потом НКВД с ними разберется»... При этом списки перешедших военнопленных и «добровольцев» пересылались штабами партизанского движения в 1-й специальный отряд НКВД, ведавший учетом «изменников родины». Даже семьи этих несчастных немедленно лишались пайка и подвергались преследованиям.

*

Ввиду участвовавших переходов к партизанам немецкое командование перебросило почти все российские формирования с Восточного фронта на другие. Отдельные батальоны были приданы германским дивизиям Западного и Итальянского фронтов, часть направлена в Грецию, а казачья дивизия перебросена в Югославию. На новых местах им предстояли, как военные действия против

англо-американцев, так и подавление национальных восстаний в оккупированных немцами странах...⁴⁴

Этот отрыв от родной почвы, затемнявший еще более основную цель — освобождение родины от большевиков, чужая и чуждая среда, в которую попали русские люди, не знавшие иностранных языков, не понимавшие даже своих немецких унтер-офицеров, все это произвело на них тягостное впечатление и еще более замутило их душевное состояние.

Чтобы рассеять эти сомнения, ген. Власов и ген. Краснов сочли необходимым обратиться к российским частям с воззваниями, хотя и общего характера, но с очень различными оттенками. Ген. Власов предостерегал, что «англичане постараются соблазнить нас разными посулами и предать советам» и что на чужой территории «мы должны сохранить свои идеалы и честь»⁴⁵. Ген. Краснов говорил: «Нам знать не дано, где будет окончательная победа Германии над коммунизмом: на берегах Атлантического океана, на Аппенинских горах, на далеком севере или в родных степях Придонья... Но где бы то ни было, мы — казаки, должны везде, где нам укажут, не щадя жизни своей, споспешествовать этой победе»⁴⁶.

Германское командование тоже зорко следило за настроением «добровольцев», обрамляя их своими войсками, усиливая прослойку немецких кадров, а в то же время приказная литература и общая печать подчеркнуто превозносили «веру и верность» российских соратников, а начальство «осчастливило» их правом награждения немецкими орденами, вместо прежних побрякушек, установленных было специально для «восточных отрядов»⁴⁷.

Весною и летом 1944 года германское командование предприняло ряд новых широких формирований. Так, был объявлен призыв в Белоруссии всех мужчин рождения 1908–1917 и 1921–1924 годов «для создания народной самообороны»⁴⁸; в Прибалтике началась «добровольная» запись русской молодежи во вспомогательные немецкие части⁴⁹. Вряд ли Германия придавала этим формированиям серьезное значение, вернее она преследовала лишь цель учета и организованного увода всех способных носить оружие. Ибо волна Красной армии уже надвигалась.

*

Что же представляли собой бойцы так называемой РОА? Чтобы дать себе в этом отчет, надо проследить их историю.

Очутившись в плену, русские с первого же дня попадали в невыносимые условия, неизмеримо худшие, чем для пленных всех других воюющих держав. И не только в первое время, когда может быть трудно организован прием столь неожиданно большого числа людей, но и во все последующие годы.

Их гнали по дорогам, не считаясь с расстоянием и человеческой возможностью, без пищи и питья. И когда кто-либо от чрезмерной усталости падал или, желая утолить невыносимую жажду, наклонялся над придорожной канавой, его приканчивала стража штыком или пулей... Их держали по много суток под открытым небом во всякую погоду, иногда на снегу, в отгороженных колючей проволокой пространствах, в ожидании не хватавших транспортных средств. И тоже без всякой еды и что хуже — без воды... Ими набивали поезда, состоявшие из открытых платформ, на которых в спрессованном виде везли в стоячем положении без

возможности пошевелинуться по 3–4 дня. В этой, дышавшей человеческими испражнениями массе, среди живых торчком стояли и мертвые...

Мне рассказывал француз, вернувшийся из плена, и лагерь которого находился по соседству с русским, что, когда к их расположению подъехал один из таких поездов, то русские военнопленные буквально закалились, не могли двигаться. Немцы нарядили французов, которые стали переносить русских на руках и носилках. Живых клали на пол в бараках, мертвых сбрасывали в общую яму...

— Русских пленных, — говорил другой француз, — легко узнать по глазам: они у них особенные. Должно быть от страдания и ненависти.

В русских лагерях жизнь была ужасна. Многие бараки, особенно в первое время — с прогнившими крышами. Ни одеял, ни подстилки на нарах. Грязь и зловоние. Обращались немцы с русскими пленными хуже, чем со скотом. Голод свирепствовал необычайный. В пищу давали от 100 до 200 граммов хлеба и один раз в день горячую и грязную бурду, с небольшим количеством картофеля, который бросали в огромный общий котел прямо из мешков, не только с шелухой, но и с землей. Иногда картошку заменяли жмыхами — отбросами сахарных заводов. Кормили продуктами, оставленными при отступлении большевиками, которые перед тем обливали их керосином. Эту тошнотворную дрянь ели. С отвращением и проклятиями, но ели, чтобы не умереть с голоду. При этом, ввиду отсутствия посуды, приходилось хлебать из консервных банок, из шапок или просто пригоршнями.

Малейший протест вызывал расстрел. Бессильные люди бродили, как тени. Многие доходили до такой степени истощения, что, сидя под солнечной стеной барака, не имели сил подняться, чтобы дойти до бочки с водой и утолить жажду. Немецкая стража, собирая их для поверки, подымала и подгоняла палками.

Часто случались эпидемии дизентерии. Больным никакой помощи не оказывалось, им предоставляли медленно умирать. Каждое утро немецкие санитары в специальной одежде и масках, заходили в бараки и баграми вытаскивали трупы, которые сваливали, как падаль, в общие ямы. Около каждого русского лагеря в таких «братских могилах» нашли упокоение десятки тысяч [зачеркнуто: по 60–80 тысяч. — Публ.] русских воинов.

На Нюрнбергском процессе был оглашен документ от февраля 1942 года, подписанный германским министром экономики [правильно: экономики. — Публ.], в котором говорится: «Из 3.900.000 русских пленных, бывших в наших лагерях, только 1.300.000 еще способны к труду. 500.000 пленных умерли за последние 4 месяца прошлого года»...

Пленным всех народностей приходили на помощь их правительства и Красный Крест. Русские же ниоткуда ничего не получали, ибо московская власть в международном Красном Кресте не состояла, и советские воины были брошены на произвол судьбы своим правительством, которое всех военнопленных огульно приказало считать «дезертирами» и «предателями». Все они заочно лишались воинских званий, объявлялись «бывшими военнослужащими», и поступали на учет в НКВД, также, как и их семьи, кот. [орые] лишались продовольственных карточек. Об этом известно было в лагерях, и это обстоятельство еще более отяжеляло душевное состояние военнопленных, которые не только материальной,

но и моральной поддержки ниоткуда получить не могли. Они чувствовали себя в безысходном тупике, обреченные на медленную гибель⁵⁰.

При таких условиях, когда немецкое командование предложило этим людям, превратившимся в живые скелеты, нормальный военный паек своих солдат, чистое жилье и человеческое отношение... многие согласились одеть немецкий мундир. Тем более, что им было объявлено, что из них будут формировать части для тыловой службы и работы. Пусть, кто может, бросит в них камень...

*

Однажды, в тот захолустный городок на берегу Атлантического океана, где я прожил годы немецкой оккупации, прибыл русский батальон. Прибыл совершенно неожиданно и для нас, и для самих «добровольцев», которых немцы посадили на поезд в Западной России, места назначения не объявили и везли без пересадок, не выпуская со станций, до конечного пункта. Среди них были люди разного возраста, от 16 до 60 лет, разного социального положения, от рабочего до профессора, были беспартийные, комсомольцы и коммунисты. Последние две категории перед сдачей в плен предусмотрительно уничтожали свои партийные билеты и регистрировались в качестве беспартийных. Кто этого сделать не догадался или не успел, тех немцы приканчивали на месте. Эти люди толпами приходили ко мне, а когда германское командование отдало распоряжение, воспрещавшее «заходить на частные квартиры», пробирались впотьмах через заднюю калитку и через забор — поодиночке или небольшими группами. Длилось наше общение несколько месяцев, пока батальон не перебросили на фронт против высаживающихся англо-американцев.

Мои несчастные соотечественники отнеслись ко мне с полным доверием, говорили со мной совершенно откровенно. Настолько, что многие не скрывали своей принадлежности к комсомолу или к «партии», обстоятельство, которое, будучи обнаружено немцами, могло привести их к расстрелу. На их доверие я отвечал тем же. Достоинно внимания, и я хочу это особенно подчеркнуть, что из нескольких сот моих посетителей не нашлось ни одного предателя [подчеркнуто А. И. Деникиным. — *Публ.*], который донес бы своему немецкому начальству о наших разговорах.

Люди эти попали опять в тупик. Ко мне они приходили искать совета и утешения. Сколько раз перед моей большой настенной картой театра войны, на которой русский фронт быстрыми шагами передвигался к западу, крик наболевшей души:

— За кого же нам радоваться теперь? Где правда? И там была каторжная казнь и здесь в каторгу попали. Пропали мы...

И спрашивали с тоской и растерянностью: «Куда податься?»

Они мучительно искали выхода, придумывая самые фантастические планы: то перехода через испанскую границу вдоль 300-километрового расположения 1-й германской армии, то переправы на лодках морем в Англию... Общей была решимость, когда приблизятся союзники — перебить своих немецких офицеров и унтер-офицеров и перейти на сторону англо-американцев. В этой решимости их укрепляло еще то обстоятельство, что в расположение русских частей сбрасывались аэропланами летучки с призывом не сражаться против них и переходить на

их сторону, и с обещанием безнаказанности [зачеркнуто Деникиным: не выдать их советам. — Публ.].

Когда они спрашивали меня, можно ли верить союзникам, я с полной искренностью и убеждением отвечал утвердительно. Потому что мне и в голову не могло прийти, что будет иначе...

Большинство русских батальонов при первой же встрече сдалось англичанам и американцам.

Генерал Власов, до разложения германской армии ничем не командовавший, в самом конце 44 г., когда уже крушился весь фронт, получил разрешение немцев созвать в Праге съезд, который пытался что-то создать, и обращался с воззваниями, увы, уже запоздалыми [зачеркнуто автором: уже никем не услышанными. — Публ.]⁵¹. Власову под самый конец удалось объединить несколько батальонов, но *было уже поздно* [выделенное курсивом зачеркнуто автором. — Публ.]⁵², он выступил с ними против немцев и спас от их разгрома Прагу⁵³. Затем батальоны эти, избегая столкновения с подходившей Красной армией, повернули, стараясь пробиться в зону союзников. Некоторым это удалось, другие погибли, третьи рассеялись, влившись частично в местные противосоветские партизанские отряды оккупированных Сталиным стран. Сам Власов, по одним сведениям, захвачен был пограничным НКВД при попытке тайно перейти из советской зоны, по другим — выдан большевикам американцами⁵⁴.

Так или иначе, несчастный генерал попал в большевицкие руки и 2 августа 1946 г. состоялся в Москве суд над ним, начальником его штаба ген. Малышкиным и восемью другими его сотрудниками⁵⁵. Знаменательно, что советское правительство, устраивавшее по гораздо менее важным случаям «показательные процессы», с великой помпой, кинематографом, иностранными журналистами и подробнейшим изложением в печати «добровольных» признаний подсудимых, дело ген. Власова, не подняв вокруг него никакой шумихи, скомкало.

Почему? Совершенно ясно, что, не взирая ни на какие обстоятельства, самый факт такого массового вооруженного восстания русских военнопленных против своей власти — факт совершенно невозможный в таких размерах ни в какой другой стране, ни в какой другой армии — настолько дискредитирует эту власть, что распространяться о нем не может входить в ее расчеты. Генерал Власов и его сотрудники были казнены.

Таким образом, свидетельство главных персонажей РОД и РОА потеряно для истории. Ибо на политических процессах в СССР подсудимые говорят только то, что им прикажут и «сознаются» во всех тех винах, которые им припишут. Сошел со сцены трагично-несчастный, загадочный, но безусловно незаурядный русский человек.

*

Когда война окончилась, появилось в печати письмо советского генерала Голикова, заведовавшего репатриацией военнопленных, возвещавшее, что все понято, прощено и забыто. Некоторые, менее искушенные «Добровольцы» поверили, явились на сборные пункты, и были отправлены за «железный занавес». Но вскоре оттуда всякими путями пришли страшные вести. Десятками тысяч, эти

несчастные, не попав даже на родину, уничтожались тут же на германской территории, иных ждали пытки, казни и каторжные лагеря «для перековки» в сибирских тундрах. Никто не вернулся домой, к семьям... Но большинство «Власовцев» не понадеялись на советское милосердие и предпочли спастись в союзных лагерях. Спасти...

Согласно постановлению Ялтинской конференции, союзники обязались выдать СССР всех советских военнопленных, одевших немецкие мундиры. И выдачи эти производились в условиях небывалых, несовместимых не только с воинской этикой, но и с моральными понятиями культурного человеческого общества. Не знаю, в каких глубинах средневековья можно найти что-нибудь подобное...

Несчастные русские воины знали, что их ждет на родине. И в англо-американских лагерях произошли сцены, забыть которые не смогут невольные участники их — воинские чины армий двух самых свободных и культурных стран...

Предназначенные к отправке в СССР люди всеми способами искали смерти: перерезали себе горло и вены маленькими бритвенными лезвиями, поджигали свои бараки дабы заживо сгореть, подставляли груди под штыки союзной охраны и головы под ее палки, бросались под колеса поездов... Английским и американским солдатам приходилось тащить их насильно, бить, толкать, связывать, переносить на руках. Параграф Ялтинского договора был выполнен...⁵⁶

Русские военнопленные поступили в ряды враждебной *России* и [выделенное зачеркнуто автором. — Публ.] союзникам армии, не судить их за это нельзя было. Но судом праведным, который принял бы во внимание безвыходность положения, толкнувшего их на этот шаг и патриотические побуждения большинства из них. Вместо этого их выдали советской власти, заведомо не признающей ни права, ни справедливости, ни милости. Исповедующей дикую кастовую месть. Выдали на страшную смерть...

*Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library, Bakhtmeteff Archive.
Anton Ivanovich and Kseniia Vasil'evna Denikin Papers. Box 9. Folder 1. P. 1–20.*

¹ *Свойский М.Л.* Из истории Бахметьевского архива в США // Новая и новейшая история. 2012. № 1. С. 158.

² *Колтышев П.В.* На страже русской чести (Париж, 1940–1941 гг.) / предисл. и публ. Н.Н. Рутыча // Русское прошлое: историко-документальный альманах. 1992. Кн. 3. С. 175–199.

³ Подробнее см.: *Александров К.М.* Мифы о генерале Власове. М., 2010.

⁴ *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. М., 1991. Т. I. С. 184.

⁵ Там же. С. 181.

⁶ *Бортневский В.Г.* Против своего отечества. Генерал Власов, власовцы и другие // Бортневский В.Г. Избранные труды. СПб., 1999. С. 401–412.

⁷ *Александров К.М.* Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943–1946 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2015. С. 39.

⁸ Там же. С. 31.

⁹ *Цурганов Ю.С.* Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001. С. 222–223.

¹⁰ *Гофман И.* Власов против Сталина. Трагедия Русской освободительной армии, 1944–1945. М., 2005. С. 476.

- ¹¹ *Волкогонов Д. А.* Сталин. Политический портрет: в 2 кн. М., 1996. Кн. 2. С. 265–266, 268.
- ¹² *Шульгин В. В.* Письма к русским эмигрантам. М., 1961. С. 12–14.
- ¹³ Письмо В. А. Маклакова М. А. Алданову. 3 сентября 1948 г. // «Права человека и империи»: В. А. Маклаков — М. А. Алданов. Переписка 1929–1957 гг. / сост. О. В. Будницкий. М., 2015. С. 216.
- ¹⁴ *Ковалев Б. Н.* Добровольцы на чужой войне. Очерки истории Голубой дивизии. Великий Новгород, 2014. С. 384.
- ¹⁵ *Чуев Ф. И.* Молотов: Полудержавный властелин. М., 2000. С. 70; *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть: воспоминания: в 4 кн. Т. I. М., 1999. С. 341, 530, 696, 706.
- ¹⁶ *Конев И. С.* Записки командующего фронтом, 1943–1945. М., 1985. С. 500.
- ¹⁷ *Мерецков К. А.* На службе народу. М., 1988. С. 265, 286.
- ¹⁸ *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1976. С. 185.
- ¹⁹ *Судоплатов П. А.* Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2003. С. 252.
- ²⁰ *Бобков Я. С.* Слово о комиссаре // На Волховском фронте. Воспоминания ветеранов. Л., 1978. С. 132.
- ²¹ *Стаднюк И. Ф.* Исповедь сталиниста: воспоминательная повесть. М., 1993. С. 215–216.
- ²² *Эренбург И. Г.* Люди, годы, жизнь // Эренбург И. Г. Собр. соч.: в 9 т. М., 1967. Т. IX. С. 310.
- ²³ *Бортневский В. Г.* Против своего Отечества... С. 404.
- ²⁴ Подробнее см.: *Александров К. М.* «Судебный процесс» 30 июля — 1 августа 1946 г. // Русские солдаты вермахта: Герои или предатели. М., 2005. С. 397–414.
- ²⁵ Действительно, коллаборационисты из числа советских граждан служили во всех видах вооруженных сил нацистской Германии и на всех ее фронтах. В целом их общая численность составляет от 1,3 до 1,5 млн чел. Если же рассматривать отдельно по каждой национальной группе, то цифры будут примерно такими: русских в германских силовых структурах было 310 тыс., украинцев — 250 тыс., белорусов — 50 тыс., казаков — 70 тыс., литовцев — 40 тыс., латышей — 88 тыс., эстонцев — 69 тыс., представителей народов Кавказа и Средней Азии — 180 тыс., представителей народов Северного Кавказа — 30 тыс., грузин — 20 тыс., армян — 18 тыс., азербайджанцев — 35 тыс., поволжских татар — 40 тыс., крымских татар — 17 тыс., и, наконец, калмыков — 5 тыс. (*Романько О. В.* Белорусские коллаборационисты. Сотрудничество с оккупантами на территории Белоруссии. 1941–1945. М., 2013. С. 9–26).
- ²⁶ Русский комитет — общественно-политическая организация, которая никогда не существовала в реальности, а являлась исключительно немецкой пропагандистской выдумкой. Тем не менее его формальные создание и деятельность считаются первым этапом истории власовского движения. Единственным проявлением деятельности этого комитета стало так называемое «Смоленское воззвание» от 27 декабря 1942 г. (о нем будет сказано ниже). Дата публикации воззвания — формальная дата создания Русского комитета. Также в тексте воззвания перечислены его члены: А. А. Власов (председатель), В. Ф. Малышкин (секретарь), бургомистр Смоленска Б. Г. Меньшагин и др. Неизвестно, сколько на самом деле существовала эта организация. Однако с 1943 г. немецкая пропаганда очень активно использовала бренд комитета и имена его членов. От их имени на оккупированных советских территориях издавались некоторые газеты (например, псковская газета «За родину») и множество листовок самого разного содержания. Наконец, с историей Русского комитета связано появление еще одного знакового для истории власовского движения понятия — Русской освободительной армии (далее — РОА). Помимо всего прочего, эта армия упоминается в «Смоленском воззвании». Собственно, это такая же фигура пропаганды, как и Русский комитет. Тем не менее многие историки и публицисты до сих пор считают, что РОА появилась 27 декабря 1942 г. и реально существовала как самостоятельное воинское объединение. Это, разумеется, не так. До весны 1943 г. от имени «бойцов РОА» издавались листовки, которые разбрасывались над советскими позициями. Потом, также в целях пропаганды, почти все «восточные» части Вермахта (обычно численностью не более батальона), укомплектованные русским персоналом, стали называться «батальоны РОА». Но ни А. А. Власов, ни его сторонники не имели к ним никакого отношения. Однако, несмотря на свою фиктивность, РОА оказалась более удачной и долговечной пропагандистской выдумкой, чем Русский комитет. Со временем ее стали прочно связывать с именем Власова, несмотря на

то что настоящей «власовской армией» можно считать только Вооруженные силы Комитета освобождения народов России (далее — ВС КОНР), которые появились в конце 1944 г. (*Штеенберг С.* Генерал Власов. М., 2005. С. 89–94).

²⁷ Подробнее о пленении генерала А. А. Власова см.: *Александров К. М.* Мифы о генерале Власове... С. 100–140.

²⁸ Речь идет о так называемом «Смоленском воззвании» («Обращении Русского комитета к бойцам и командирам Красной армии, ко всему русскому народу и другим народам Советского Союза»). Документ был напечатан в Берлине 13 января 1943 г. Однако в целях пропаганды на нем стояли другие место и дата: Смоленск, 27 декабря 1942 г. «Смоленское воззвание» провозглашало создание так называемого Русского комитета и Русской освободительной армии, речь о которых шла выше. (Генерал Власов: история предательства: сб. документов: в 2 т. / под ред. А. Н. Артизова. М., 2015. Т. 1. С. 158–161).

²⁹ Здесь имеется в виду то же самое «Смоленское воззвание», о котором идет речь в предыдущем комментарии.

³⁰ 13 декабря 1942 г., в связи с увеличением количества коллаборационистских формирований из числа советских граждан, при Верховном командовании сухопутными войсками Вермахта (нем. Oberkommando des Heeres) была учреждена должность «генерала-инспектора восточных войск» (нем. General-Inspektor der Osttruppen). Ее занял генерал-майор Х. Гельмих, командующий 141-й резервной дивизией. Через полгода, 13 июня 1943 г., появилась новая и самостоятельная структура, отвечавшая за работу с «восточными» добровольцами — «генерал-инспектор тюркских формирований» (нем. General-Inspektor der Turkvölkischen Verbände), во главе которой стал генерал кавалерии Э. Кёстринг. 1 января 1944 г. Кёстринг объединил обе эти должности в одну — «генерал добровольческих формирований» (нем. General der Freiwilligenverbände). В целом в круг обязанностей этих структур входили вопросы, связанные в первую очередь с организацией коллаборационистских частей, их пополнением и обслуживанием, назначением в них командного состава, а также оценкой опыта боевого применения «восточных» добровольцев (*Дробязко С. И.* Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945. М., 2005. С. 185–187, 191–192).

³¹ Осенью 1943 г. представители германского военно-политического командования предложили П. Н. Краснову возглавить «временное казачье правительство за границей». Краснов категорически отказался, сославшись на то, что все казачьи атаманы должны быть только выборными и выборы эти могут проходить только на казачьих землях. Поэтому, с целью избежать в дальнейшем возможных разногласий, функции временного правительства решили передать Главному управлению казачьих войск, о создании которого было официально объявлено 31 марта 1944 г. Начальником управления назначили П. Н. Краснова, а членами — трех представителей от каждого казачьего войска (Донского, Кубанского и Терского). Находясь во главе этой структуры, Краснов читал лекции, делал доклады, принимал немецких и казачьих представителей, посещал казачьи части на фронте. Однако ни о каком реальном руководстве не могло быть и речи. Все распоряжения и документы, издаваемые Красновым и его подчиненными, не считались действительными без подписи Н. А. Гимпеля — главы Казачьего управления (нем. Kosaken Leitstelle) при Министерстве оккупированных восточных областей. Все инструкции Гимпель получал только от главы этого министерства А. Розенберга и отчитывался только перед ним. В связи со сказанным, А. И. Деникин ошибался, когда писал, что Главное управление казачьих войск было создано по приказу генерала Кёстринга (*Ленинов А. К.* Под казачьим знаменем в 1943–1945 гг. (документы и материалы) // Кубанец. 1992. № 2. С. 41–45).

³² Весной 1943 г., после отступления немецких войск с Кавказа, в районе Херсона скопилось большое количество казаков-беженцев с Дона, Кубани и Терека. Поэтому 21 апреля 1943 г. немецкое командование отдало приказ о формировании 1-й Казачьей кавалерийской дивизии (нем. 1. Kosaken-Kavallerie-Division), в связи с чем началась переброска отдельных казачьих частей на польский полигон Млава. Выбор места формирования не был случайным, так как здесь еще с довоенных времен находились склады со снаряжением для польской кавалерии. Прибывавшие в Млаву части расформировывались и сводились в полки по войсковому признаку: 1-й Донской, 2-й Терский, 3-й Сводно-казачий и 4-й Кубанский. На 1 ноября 1943 г. численность дивизии составляла 18 555 чел. (14 315 казаков и 191 казачий офицер,

3527 немецких нижних чинов и 222 немецких офицера). Командиром дивизии был назначен генерал-майор Х. фон Паннвиц — опытный кавалерист, который уже имел опыт командования казачьими формированиями. Немецкими кадрами были укомплектованы командные и штабные должности, а также специальные и тыловые подразделения. В Моково, недалеко от Млавы, был сформирован 5-й Казачий учебно-запасной полк. Полк не имел постоянного состава, насчитывал в разное время от 10 до 15 тыс. казаков, которые прибывали с Восточного фронта и оккупированных территорий и после подготовки распределялись по полкам дивизии. При 5-м полку была создана унтер-офицерская школа, готовившая кадры для строевых частей. Также была организована Школа юных казаков — своеобразный кадетский корпус для подростков, потерявших родителей. 25 сентября 1943 г. 1-я Казачья кавалерийская дивизия была перебросена в Хорватию (в состав 2-й немецкой танковой армии). Здесь ее личный состав воевал против югославских партизан И. Б. Тито. В период с 13 декабря 1944 г. по 9 февраля 1945 г. казаки вели также бои с частями Красной армии на плацдарме в районе Вировитицы (на правом берегу р. Драва). В конце декабря 1944 г. дивизия была передана из Вермахта в состав войск СС, а приказом от 25 февраля 1945 г. развернута в 15-й Казачий кавалерийский корпус СС (*нем.* XV. Kosaken-Kavallerie-Korps der SS). Корпус продолжал действовать на территории Югославии до самого окончания войны (*Крикунов П. К.* Казаки. Между Гитлером и Сталиным. М., 2005. С. 452–504).

³³ Генерал А. И. Деникин использовал именно такое написание прилагательного, образованного от существительного «большевик», вопреки практике, применяемой на территории СССР: большевик — большевистский.

³⁴ Имеется в виду Дабендорфская школа РОА, или Отдел восточной пропаганды особого назначения (*нем.* Ostpropagandaabteilung zur besonderen Verwendung) — единственный кадровый учебный центр власовцев, который готовил офицеров для РОА. С 1943 по 1945 г. в Дабендорфе (населенный пункт в 40 км южнее Берлина) состоялось 12 выпусков, через которые прошло до 5000 чел. Первые слушатели прибыли на курсы 28 февраля 1943 г. из лагеря пропагандистов Вульхайде. Занятия по специально разработанной программе начались с 1 марта 1943 г. Дабендорфская школа состояла из пяти курсантских рот, взвода резерва, хозяйственного подразделения и клуба. Постоянный персонал школы насчитывал 54 офицера, 11 унтер-офицеров и 44 рядовых. Все они были одеты в обмундирование Вермахта с русскими полевыми погонами, кокардой и эмблемой РОА на левом рукаве. Содержание лекций строилось на критике существующей в СССР системы и на убеждении слушателей в перспективности власовского движения. Главной идеологической задачей курсов было перевоспитание пленных бойцов и командиров Красной армии в убежденных противников сталинского общественно-политического строя. На территории школы размещались редакции двух газет «Заря» и «Доброволец». 28 февраля 1945 г. преподаватели и слушатели были эвакуированы в Чехию. 22 апреля 1945 г. школу официально расформировали. За весь период ее существования Дабендорфской школой руководили генерал-майор И. А. Благоевский (февраль–август 1943 г.), генерал-майор Ф. И. Трухин (август 1943 г. — октябрь 1944 г.) и подполковник Г. А. Пшеничный (октябрь 1944 г. — апрель 1945 г.). Немецким начальником школы являлся капитан Вермахта В. К. Штрик-Штрикфельд (*Огороков А. В.* Учебные структуры РОА, казачьих частей и ВС КОНР // Материалы по истории Русского освободительного движения. М., 1999. Вып. 4. С. 161–178).

³⁵ А. И. Деникин несколько недооценил «интерес» советских спецслужб к А. А. Власову. С весны 1943 г. предпринимались многочисленные попытки физической ликвидации бывшего советского генерала, что было вполне естественно в тех условиях. Известно, что в рамках оперативных мероприятий ему был присвоен псевдоним «Ворон». «Охота» на «Ворона» велась как на оккупированных советских территориях, которые посещал Власов, так и в Германии. По мнению советского руководства, ликвидация такого крупного коллаборациониста должна была привести к неминуемой деморализации и последующему развалу всех «восточных» частей. Власова собирались застрелить, взорвать, отравить. Тем не менее ни одна из подобных операций не увенчалась успехом (*Александров К. М.* Восточные войска Вермахта и Вооруженные силы Комитета освобождения народов России: к истории разведывательных и контрразведывательных служб // Русские солдаты вермахта: Герои или предатели... С. 215–218; *Сорокин А. К.* Как ловили генерала Власова // Родина. 2015. № 6. С. 121–127).

³⁶ В данном случае приведены пункты «Смоленского воззвания», речь о котором шла выше.

³⁷ Следует сказать, что большинство лидеров национальных комитетов, о которых идет речь в тексте статьи, до самого конца войны отказывались сотрудничать с А. А. Власовым и его организациями. На все заверения, что в будущей некоммунистической России будет установлено «равенство всех народов и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность», они, с подачи курировавшего их А. Розенберга (о его позиции по национальному вопросу вообще будет сказано ниже), отвечали, что это является всего лишь тактическим ходом и при первом же удобном случае все обещания будут забыты. Так, через четыре дня после провозглашения КОНР, 18 ноября 1944 г., в Берлине состоялось заседание так называемых «представителей поработанных Россией народов». В этом мероприятии, за кулисами которого стоял Розенберг, приняли участие следующие организации: Боевой союз волжских татар «Идель-Урал», Армянский, Азербайджанский, Грузинский и Северо-Кавказский комитеты, Крымско-татарский национальный центр, Туркестанский национальный комитет, ряд украинских политических групп и Белорусская центральная рада. Политики, которые участвовали в этом заседании, ставили перед собой следующую цель: продемонстрировать единую волю национальных организаций «к борьбе за свободу своих народов и своей земли от русской оккупации, которая должна была привести к возрождению их национальных государств». Практическим результатом встречи стало подписание соглашения, по которому они обязались совместно работать над указанными вопросами и везде взаимно поддерживать друг друга. Для воплощения в жизнь решений заседания лидеры националистов избрали специальную комиссию. В тот же день все участники заседания обратились с меморандумом к Розенбергу, в котором заявили «самым решительным образом», что «не могут взять на себя ответственность за последствия, которые могут произойти в результате действий генерала Власова — если его притязания на возглавление наших народов не будут отвергнуты с достаточной ясностью». Правда, в условиях приближающегося краха гитлеровской Германии такие демарши уже не имели никакого значения (Bundesarchiv-Militärarchiv (далее — BArch). MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung). MSg 149/7. Bl. 131).

³⁸ Имеется в виду базовый лозунг Российского Белого дела, сформулированный еще в период «Быховского сидения» генералов — участников Корниловского выступления августа 1917 г.: непредрешение вплоть до созыва и решения Всероссийского учредительного собрания — формы правления Российского государства. В частности, ярчайшим представителем «непредрешенства» в Гражданскую войну был генерал А. И. Деникин.

³⁹ Генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс не являлся дворянином, поэтому его фамилия не имела приставки «фон».

⁴⁰ Национальный комитет «Свободная Германия» (*нем.* Nationalkomitee Freies Deutschland) — политический и организационный центр немецких антифашистов во время Второй мировой войны, созданный 12–13 июля 1943 г. на территории СССР по инициативе Компартии Германии. В комитет вошли ведущие немецкие коммунисты, а также несколько солдат и офицеров из числа захваченных в плен под Сталинградом (всего 38 чел.). Президентом комитета был избран немецкий поэт-эмигрант Э. Вайнерт. Цель Национального комитета «Свободная Германия» состояла в том, чтобы создать единый фронт сопротивления нацизму, путем пропаганды и агитации склонять немецких солдат к сдаче в плен, бороться за новую демократическую Германию и т. п. Комитет состоял главным образом из гражданских людей, поэтому его руководство прилагало немало усилий, чтобы привлечь к работе пленных немецких офицеров. После нескольких неудачных попыток было решено создать специальную организацию для офицерского состава. 11–12 декабря 1943 г. с этой целью учредили «Союз немецких офицеров» (*нем.* Bund Deutscher Offiziere), который возглавил плененный в Сталинграде генерал артиллерии В. фон Зейдлиц-Курцбах. Главной целью этой организации являлась антифашистская пропаганда в германских вооруженных силах. В сентябре 1943 г. «Союз немецких офицеров» признал программу Национального комитета «Свободная Германия» и присоединился к нему. В целом деятельность обеих организаций заключалась в пропаганде и разъяснительной работе, которую они вели на фронтах и среди военнопленных. Для этого издавалась еженедельная газета «Freies Deutschland», печатались многочисленные листовки для немецких солдат на фрон-

те и для военнопленных в советских лагерях. У комитета была своя радиостанция «Свободная Германия». На фронтах также использовали звуковые передвижки с речами генерала фон Зейдлиц-Курицбаха и немецких коммунистов В. Ульбрихта, А. Акерманна, Э. Вайнерта. Одни члены организации действовали на линии фронта, призывая германских солдат и офицеров к добровольной сдаче в плен, другие — в глубоком немецком тылу совместно с советскими партизанами. Национальный комитет «Свободная Германия» послужил стимулом для развертывания антифашистской работы среди немецких солдат на оккупированных Германией территориях. На основе его программы в различных странах создавались союзы немецких эмигрантов. В сентябре 1945 г. обе организации были самораспущены, а их члены стали основой для формирования государственного и военного аппарата будущей ГДР (подробнее см.: *Вольф В.* На стороне Красной Армии. М., 1976).

⁴¹ И Национальный комитет «Свободная Германия», и «Союз немецких офицеров» оказывали серьезное влияние на морально-политическое состояние немецких солдат на фронте и немецких военнопленных в Советском Союзе. Так, к концу войны в ряды «Союза немецких офицеров» вошло около 4 тыс. офицеров и генералов Вермахта, в том числе генерал-фельдмаршал Ф. Паулюс. Тем не менее А. И. Деникин ошибался, когда писал, что большевики «поставили его во главе Немецкого комитета и номинально назначили командующим армией, формируемой из немецких военнопленных». Изначально Паулюс крайне неодобительно относился к деятельности этих организаций и отказывался в них вступать. Тем более он отказывался участвовать в какой-либо политической деятельности. Свою точку зрения Паулюс поменял только в августе 1944 г., когда узнал о расправах над участниками Июльского заговора против Гитлера — многие из казненных офицеров были его друзьями и сослуживцами. Что же касается пассажа о некоей «немецкой армии», то такое утверждение вообще не соответствует действительности (*Мухамеджанов М. М.* Самоликвидация или роспуск НКСГ и СНО? // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 2. С. 18–22).

⁴² Это утверждение не соответствует действительности.

⁴³ Всего за период с 1941 по 1944 г. через партизанские отряды на территории Белоруссии прошло свыше 440 тыс. чел. (Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1450. Оп. 12. Д. 10. Л. 8).

⁴⁴ После передислокации с Восточного фронта многие коллаборационистские формирования из числа советских граждан действительно участвовали в борьбе против движения Сопротивления в европейских странах. Например, Русская освободительная народная армия, или «Бригада Каминского», подавляла Варшавское восстание (август–октябрь 1944 г.), 30-я гренадерская дивизия войск СС (1-я русская) воевала с партизанами в восточной Франции (сентябрь 1944 г.), а Восточно-тюркское соединение войск СС — в Северной Италии (март–май 1945 г.). Наконец, 1-я Казачья кавалерийская дивизия, речь о которой шла выше, с сентября 1944 по май 1945 г. самым активным образом сражалась с югославским коммунистическим Сопротивлением (*Дробязко С. И., Романько О. В., Семенов К. К.* Иностранцы формирования Третьего рейха. М., 2011. С. 398–403, 457–458, 638–646, 692–695).

⁴⁵ Речь идет об «Открытом письме А. А. Власова “К бойцам и офицерам Русской освободительной армии”» от 15 ноября 1943 г. Фактически А. А. Власов не являлся автором этого документа, а просто подписал его по просьбе немцев (Генерал Власов: история предательства... С. 528–531).

⁴⁶ Речь идет об «Обращении П. Н. Краснова к казакам», опубликованном 14 ноября 1943 г. (*Жрикунов П. К.* Казаки. Между Гитлером и Сталиным. С. 300–302).

⁴⁷ Имеется в виду знак отличия «За храбрость и заслуги для восточных народов» (*нем.* Tapferkeits- und Verdienstauszeichnung für Angehörige der Ostvölker), учрежденный указом Гитлера от 14 июля 1942 г. Этим знаком награждался персонал «восточных» коллаборационистских формирований (РОА, казачьи части, подразделения Восточных легионов, местные полицейские формирования и т. д.). С мая 1943 г. система «восточных» наград была также распространена и на немцев, проходивших службу в указанных частях. По статусу существовали два варианта награды: «За храбрость» (с мечами), которым награждали участников боевых действий, и «За заслуги» (без мечей) — для руководителей и прочих лиц оккупационной администрации. Награждение сопровождалось вручением грамоты, дававшей право на ряд привилегий, например

выплату значительной денежной суммы или наделение землей. Что же касается награждения «восточных» добровольцев немецкими знаками отличия, то оно было разрешено только приказом «генерала-инспектора добровольческих формирований» от 20 февраля 1944 г. Хотя, конечно, исключения и до этого имели место (*Дробязко С. И.* Под знаменами врага... С. 185, 192–193).

⁴⁸ Имеется в виду Белорусская краевая оборона (*белор.* Беларускай краёвая абарона, БКА) — коллаборационистское формирование, действовавшее на территории генерального округа «Белоруссия» (западная и центральная часть БССР) с марта по июнь 1944 г. БКА была создана по распоряжению генерального комиссара «Белоруссии» СС-группенфюрера К. фон Готтберга для противостояния советским партизанам. Призыв в БКА продолжался с 10 марта по 15 апреля 1944 г., в результате чего было мобилизовано до 60 тыс. чел. Впоследствии половину из них немецкие власти по разным причинам отсеяли, а из оставшихся 30 тыс. удалось организовать 34 пехотных и 6 саперных батальонов. Подразделения БКА несли службу практически по всей территории генерального округа «Белоруссия», занимаясь как непосредственно борьбой с партизанами, так и охраной различных объектов. В середине июня 1944 г. при БКА была открыта офицерская школа (г. Минск), которая, однако, не успела сделать ни одного выпуска. В целом немцы невысоко оценивали боевые качества БКА, так как у большинства ее бойцов был низкий уровень подготовки и плохая мотивация. Также имели место многочисленные переходы на сторону партизан. После начала советской операции по освобождению Белоруссии (операция «Багратион», 23 июня 1944 г.) большинство батальонов БКА были распущены своими командирами или распались сами по себе. Только незначительное количество самых боеспособных из них смогли отступить на территорию Польши вместе с немецкими войсками. Следует отметить, что создание БКА не было чисто немецкой инициативой. Значительную роль при ее создании играли белорусские националистические организации, которые видели в ней костяк будущей «белорусской армии» (*Романько О. В.* Белорусские коллаборационисты... С. 227–253).

⁴⁹ Имеется в виду немецкая вербовочная кампания, которая проходила на оккупированных советских территориях с 25 марта по 20 сентября 1944 г. под эгидой Министерства по делам оккупированных восточных областей, Главного управления СС, Люфтваффе и Гитлерюгенда. Указанные немецкие организации ставили перед собой цель набрать как можно большее количество юношей и девушек в возрасте от 15 до 20 лет с целью их дальнейшего использования в немецкой противовоздушной обороне в качестве так называемых помощников Люфтваффе (*нем.* Luftwaffenhelfer). Интересно, что набор должен был проводиться на добровольной основе. Кампания закончилась относительным, в тех условиях, успехом. Согласно немецким отчетам, было завербовано 21 117 чел. (18 917 юношей и 2500 девушек), из них: 1383 русских, 5933 украинских, 2354 белорусских, 1012 литовских, 3000 эстонских и 3614 латышских юношей. После необходимой подготовки все они (в том числе женский персонал) были распределены по следующим службам: части связи Люфтваффе — 1000 чел.; моторизованные батальоны полевой жандармерии Люфтваффе — 1000 чел.; «помощники Люфтваффе» — 19 117 чел. Со временем предполагалось завербовать еще 5500 юношей и 1200 девушек — на этот раз в качестве пополнения для военно-строительной Организации Тодта и т. п. Однако этим планам не было суждено осуществиться, так как к концу 1944 г. советская территория была уже полностью освобождена от немцев. Те же юноши и девушки, которых немцы успели набрать в марте–сентябре 1944 г., продолжали служить до самой капитуляции Германии. В результате к маю 1945 г. 41 чел. из них погиб, а двое были награждены Железными Крестами 2-го класса (*Романько О. В.* Белорусские коллаборационисты... С. 297–300).

⁵⁰ Подробнее о проблеме советских военнопленных см.: *Смыслов О. С.* Плен. Жизнь и смерть в немецких лагерях. М., 2009; *Штрайт К.* «Они нам не товарищи...». Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. М., 2009.

⁵¹ Имеется в виду торжественное собрание 14 ноября 1944 г., на котором был официально учрежден КОНР и провозглашена его политическая платформа — «Пражский манифест» (*Александров К. М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова 1944–1945... С. 105–106).

⁵² Вооруженные силы КОНР начали формироваться практически сразу после провозглашения этой организации и к окончанию войны (на 22 апреля 1945 г.) включали в себя три пехотные дивизии (одна на стадии формирования), свои ВВС, учебно-запасную и противотанковую

бригады, целый ряд вспомогательных соединений и учебных заведений. Кроме того, в состав Вооруженных сил КОНР вошли (больше формально) Русский корпус в Сербии, 15-й Казачий кавалерийский корпус и Казачий стан атамана Т. И. Доманова. Всего же в этих формированиях, по разным данным, числилось примерно 120–130 тыс. чел., которые, правда, были разбросаны на большом участке фронта от Загреба (Хорватия) и Толмеццо (Северная Италия) до Дрездена (южная Германия) (VArch, RH 26. Infanterie-Divisionen. RH 26–600. Bl. 1–19).

⁵³ 5–8 мая 1945 г. 1-я пехотная дивизия Вооруженных сил КОНР совместно с чешскими партизанами приняла участие в антинацистском Пражском восстании. Благодаря этой помощи Прага фактически была освобождена еще до подхода Красной армии. При этом около 300 влассовцев погибли в ходе боевых действий (*Auský S. Vojska generala Vlasova v Čechách. Vyšehrad, 1996. S. 126–180*).

⁵⁴ 12 мая 1945 г., направляясь в штаб 3-й армии США в Пльзень (Чехословакия), А. А. Власов был опознан и захвачен советскими военнослужащими во главе с капитаном М. И. Якушовым (162-я танковая бригада 25-го танкового корпуса 13-й армии 1-го Украинского фронта). По советской версии, Власова нашли на полу машины, завернутым в ковер. Это представляется маловероятным, учитывая внутреннее пространство автомобиля и телосложение бывшего советского генерала. После задержания он был доставлен в штаб маршала И. С. Конева, а оттуда — в Москву. С этого момента и до 2 августа 1946 г., когда в газете «Известия» была опубликована информация о суде над ним, о Власове ничего не сообщалось (Генерал Власов: история предательства... С. 964–966).

⁵⁵ Вместе с генералом А. А. Власовым было осуждено одиннадцать, а не девять человек.

⁵⁶ Пункты Ялтинских соглашений, в которых шла речь о репатриации советских граждан, касались не только тех, кто надел немецкую форму. Как известно, одной из составляющих нацистской оккупационной политики на территории СССР был массовый угон его населения с целью дальнейшего использования в качестве рабочей силы. Эти «остарбайтеры» и составили первую, самую многочисленную категорию будущих репатриантов. Другой категорией советских граждан, оказавшихся за пределами своей Родины, были военнопленные. Наконец, была еще одна категория лиц, покинувших территорию СССР, однако в отличие от двух предыдущих сделали они это добровольно, вместе с отступающими немецкими войсками. В число последних входили и бойцы коллаборационистских формирований. В результате к маю 1945 г. на территории Германии и оккупированных ею государств оказалось около 7 млн перемещенных лиц из СССР всех указанных категорий. И если подавляющее большинство «остарбайтеров» и военнопленных в целом ничего не имели против возвращения на Родину, то коллаборационисты всеми силами не хотели этого делать. К маю 1945 г. эта категория перемещенных лиц насчитывала более 2 млн чел. (в их число также входили и гражданские беженцы). Ф. Д. Рузвельту и У. Черчиллю суть проблемы в общем казалась очень простой. На территориях, освобождаемых их армиями, имелось некоторое количество перемещенных лиц — граждан союзной державы, которых было необходимо по возможности скорее отправить на Родину. Согласно подписанным 10 и 11 февраля 1945 г. документам, все договаривающиеся стороны обязались делать это как можно быстрее и без проволочек. Однако третий лидер «большой тройки» — И. В. Сталин — понимал, что не все, оказавшиеся за пределами СССР, захотят в него вернуться. Поэтому он настоял, чтобы лидеры западных союзников дали свое согласие на «безусловную и всеобщую репатриацию всех находящихся в их оккупационной зоне советских граждан» (советское гражданство устанавливалось по состоянию границ на 1 сентября 1939 г.). Это соглашение подлежало выполнению без учета индивидуальных пожеланий. При необходимости допускалось применение силы. И в первую очередь это касалось лиц, взятых в плен «в немецкой военной форме», т. е. бойцов коллаборационистских формирований. Несколько позже, 13 марта и 26 июня 1945 г., соглашения, аналогичные ялтинским, были заключены между СССР, Бельгией и Францией. В целом в 1945–1947 гг. западные союзники передали СССР более 2,2 млн советских граждан, которые проходили службу в коллаборационистских формированиях (в это число также входят члены семей последних и беженцы, группировавшиеся вокруг тех или иных «восточных» частей). Из них по прибытии в СССР: 20 % — расстреляны или осуждены на 25 лет лагерей (что, по сути, было равносильно смертному приговору); 15–20 % — осуждены на 5–10 лет лагерей; 10 % — высланы в отдаленные районы Сибири не менее чем на 6 лет; 15% — посланы на при-

нудительные работы в Донбасс, Кузбасс и другие районы, разрушенные немцами; 15–20 % — разрешили вернуться в родные места. Недостающие 15–20 % — это люди, которым удалось «скрыться» уже в СССР, умершие в дороге или бежавшие на Запад (подробнее о насильственных репатриациях см.: Арзамаскин Ю. Н. Тайны советской репатриации. М., 2015; Бетелл Н. Последняя тайна. М., 1992; Толстой Н. Д. Жертвы Ялты. М., 1996).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Пученков А. С., Романько О. В., Машкевич С. В. Деникин А. И. Генерал Власов и «власовцы» // Новейшая история России. 2017. № 2 (19). С. 228–255.

Сведения об авторах: Пученков А. С. — доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); a.puchenkov@spbu.ru | Романько О. В. — доктор исторических наук, профессор, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия); romanko1976@mail.ru | Машкевич С. В. — доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник, Институт теоретической физики имени Н. Н. Боголюбова Национальной академии наук Украины (Нью-Йорк, США; Киев, Украина); mash@mashke.org

FOR CITATION

Puchenkov A. S., Romanko O. V., Mashkevich S. V. A. I. Denikin General Vlasov and “Vlasovtsy”, Modern History of Russia, no. 2, 2017. P. 228–255.

Authors: Puchenkov A. S. — Doctor of History, Associate Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); a.puchenkov@spbu.ru | Romanko O. V. — Doctor of History, Professor, V. I. Vernadskyi Crimean Federal University (Simferopol, Russia); romanko1976@mail.ru | Mashkevich S. V. — Doctor of Physics & Mathematics, Leading Scientist, Bogolyubov Institute for Theoretical Physics, National Academy of Science of Ukraine, (New York, USA; Kiev, Ukraine); mash@mashke.org

References:

- Aleksandrov K. M. ‘“Sudebnyy process” 30 ijulja — 1 avgusta 1946 g.’ in *Russkie soldaty vermakhta: Geroy ili predатели* (Moscow, 2005).
- Aleksandrov K. M. *Generalitet i oficerskie kadry vooruzhennykh formirovaniy Komiteta osvobodivshiesya narodov Rossii 1943–1946 gg.* [Doctor of History Dissertation] (St. Petersburg, 2015).
- Aleksandrov K. M. *Mify o generale Vlasove* (Moscow, 2010).
- Arzamaskin Yu. N. *Tajny sovetskoj repatriatsii* (Moscow, 2015).
- Auský S. *Vojska generala Vlasova v Čechách* (Vyšehrad, 1996).
- Betell N. *Poslednyaya tayna* (Moscow, 1992).
- Bobkov Ya. S. ‘Slovo o komissare’ in *Na Volkhovskom fronte. Vospominaniya veteranov* (Leningrad, 1978).
- Bortnevskiy V. G. *Izbrannye trudy* (St. Petersburg, 1999).
- Chuev F. I. *Molotov: Poludnerzhavnyy vlastelin* (Moscow, 2000).
- Drobyazko S. I. *Pod znamenami vraga. Antisovetskie formirovaniya v sostave germanskih vooruzhennykh sil 1941–1945* (Moscow, 2005).
- Drobyazko S. I., Romanko O. V., Semenov K. K. *Inostrannye formirovaniya Tretiego reykhha* (Moscow, 2011).
- Erenburg I. G. *Sobr. soch.*, 9 volumes (Moscow, 1967).
- General Vlasov: istoriya predatelstva: Sb. Dokumentov*, Ed. A. N. Artizov (Moscow, 2015).
- Hoffmann J. *Vlasov protiv Stalina. Tragediya Russkoy osvoboditelnoy armii, 1944–1945* (Moscow, 2005).
- Khrushchev N. S. *Vremya. Lyudi. Vlast* (Moscow, 1999).
- Koltyshev P. V. ‘Na strazhe russkoy chesti (Parizh, 1940–1941 gg.)’, Intr. And publ. N. N. Rutykh in *Russkoe proshloe: Istoriko-dokumentalnyy almanakh* (Kaliningrad, 1992).
- Konev I. S. *Zapiski komanduyushchego frontom, 1943–1945* (Moscow, 1985).
- Kovalev B. N. *Dobrovolsky na chuzhoy vojne. Ocherki istorii Goluboy divizii* (Velikiy Novgorod, 2014).
- Krikunov P. K. *Kazaki. Mezhdru Gitlerom i Stalinym* (Moscow, 2005).
- Lenivov A. K. ‘Pod kazachyim znamenem v 1943–1945 gg. (dokumenty i materialy)’, *Kubanets*, no. 2, 1992.

- Meretskov K. A. *Na sluzhbe narodu* (Moscow, 1988).
- Mukhamedzhanov M. M. 'Samolikvidaciya ili rospusk NKSG i SNO?', *Znanie. Ponimanie. Umenie*. no. 2, 2005.
- Okorokov A. V. 'Uchebnye struktury ROA, kazachyihk chastey i VS KONR' in *Materialy po istorii Russkogo osvoboditel'nogo dvizheniya*, Iss. 4 (Moscow, 1999).
- "Prava cheloveka i imperii": V. A. Maklakov — M. A. Aldanov. *Perepiska 1929–1957 gg.*, Comp. O. V. Budnitskiy (Moscow, 2015).
- Romanko O. V. *Belorusskie kollaboracionisty. Sotrudnichestvo s okkupantami na territorii Belorussii. 1941–1945* (Moscow, 2013).
- Shulgin V. V. *Pisma k russkim emigrantam* (Moscow, 1961).
- Smyslov O. S. *Plen. Zhizn i smert v nemeckikh lageryakh* (Moscow, 2009).
- Solzhenitsyn A. I. *Arhipelag GULAG*, Vol. 1 (Moscow, 1991).
- Sorokin A. K. 'Kak lovili generala Vlasova', *Rodina*, no. 6, 2015.
- Stadnyuk I. F. *Ispoved stalinista: Vospominatel'naya povest* (Moscow, 1993).
- Steenberg S. *General Vlasov* (Moscow, 2005).
- Streit K. "ONI NAM NE TOVARISHI...". *Vermaht i sovetskie voennoplennye v 1941–1945 gg.* (Moscow, 2009).
- Sudoplatov P. A. *Raznye dni tajnoy voyny i diplomatii. 1941 god* (Moscow, 2003).
- Svoyskiy M. L. 'Iz istorii Bakhmetievskogo arkhiva v SShA', *Novaja i novejschaja istorija*, no. 1, 2012.
- Tolstoy N. D. *Zhertvy Yalty* (Moscow, 1996).
- Tsurganov Yu. S. *Neudavshijsya revansh. Belaja emigraciya vo Vtoroy mirovoy vojne* (Moscow, 2001).
- Vasilevskiy A. M. *Delo vsej zhizni* (Moscow, 1976).
- Volkogonov D. A. *Stalin. Politicheskiy portret* (Moscow, 1996).
- Wolff W. *Na storone Krasnoy Armii* (Moscow, 1976).